

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета

об исследовании Цзян Сюехуа «Китаизмы в языке русского зарубежья на материале мемуарной прозы (первая половина XX в.)»,
представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – Русский язык

Работа Цзян Сюехуа вполне современна и **актуальна**, поскольку связана с таким активным процессом, как лексические заимствования в русский язык, и лежит в русле *лингвистической ксенологии* (кстати, совершенно новый для меня термин!). В рамках этого направления изучаются не только «классификации заимствований, причины и пути проникновения заимствований, вопросы адаптации заимствованных элементов», но и «проблемы языковой политики, культуры речи, перевода» (с. 5), которые тесно связаны с заимствованиями и еще увеличивают актуальность и **практическую значимость** проведенного исследования. Актуальна работа Цзян Сюехуа еще и потому, что объектом внимания в ней являются «лексические заимствования из неблизкородственного русскому китайского языка на малоизученном материале – языке русской эмиграции в Китае» (с. 6).

Исследованный в работе **материал** включает более 500 лексических единиц китайского происхождения, извлеченных из прозаических мемуарных текстов русского зарубежья и художественных текстов мемуарного характера, которые описывают русскую эмиграцию в северо-восточном Китае (с. 6-7). Таким материалом стали 35 опубликованных мемуарно-прозаических текстов, охватывающих значительный период времени: от начала строительства КВЖД до ухода эмигрантов из Харбина. Важно, что все эти тексты ранее не подвергались никакому лингвистическому анализу, в том числе для изучения заимствований-китаизмов. С этим связана несомненная **научная новизна** исследования Цзян Сюехуа.

Конкретным **предметом** исследования в работе стали (1) пути проникновения китаизмов в русский язык, (2) механизмы адаптации лексики китайского происхождения в русском языке на различных уровнях (что представляет, в условиях полной разносистемности русского и китайского языков, значительные трудности, особенно на уровне фонетики и графики, и этому в работе уделено много внимания), а также (3) роль китаизмов в языковом сознании носителей русского языка. С учетом моих собственных научных интересов последнее показалось мне особенно интересным.

Комплексный анализ этого триединого предмета исследования и провозглашен Цзян Сюехуа **целью** ее исследования. Несмотря на наличие многочисленных и детально разработанных классификаций заимствований, автор строит в работе собственную

типологию выявленных в материале китаизмов: «в зависимости от *языка-источника, времени, путей, способов, типов и степени адаптации заимствования* (курсив автора. – Н. Б.-Б.)» (с. 29). В этом можно усматривать *теоретическую значимость* диссертационного исследования. Нельзя не отметить, что все перечисленные параметры описания китаизмов рассматриваются в первых двух главах работы очень подробно и последовательно, сначала в общетеоретическом плане, а затем собственно в рамках русско-китайского контакта и на материале исследования. В этом видна четкость, строгость и исследовательская основательность автора.

Говоря о структуре и содержании работы, остановлюсь только на ряде моментов, которые заслуживают упоминания либо как достоинства рецензируемой работы, либо как повод задать вопрос или сделать замечание.

Так, интересна и обстоятельна первая глава работы, где подробно рассматриваются все теоретические аспекты и проблемы изучения заимствований. И если в лингвистике заимствования традиционно рассматриваются и как процесс, и как результат этого процесса, то именно так Цзян Сюехуа подходит и к материалу своего исследования, анализируя не только сами китаизмы (как результат заимствования), но и пути их проникновения в русский язык и способы адаптации в нем (как процесс заимствования). Все рассуждения здесь основываются на обстоятельном и грамотном анализе научной литературы. Всего список использованной литературы включает 154 наименования, в том числе 9 – на иностранных языках. Довольно много в этом списке работ китайских исследователей. В двух дополнительных списках – 38 различных словарей и 35 уже упомянутых источников.

Нельзя не отметить и большое внимание, которое уделено в работе диахроническому аспекту исследования: истории как русско-китайских контактов во всех сферах жизни, так и собственно языковых контактов.

Любопытен в работе и обзор лексикографической фиксации китаизмов в русском языке – и снова это сделано с некоторым диахроническим уклоном: рассматриваются три типа словарей, отражающих (1) старое состояние лексики, (2) словарное состояние XX в. и (3) современное словарное состояние (XXI в.; рассмотрено целых 10 словарей). Привлекаются в работе и данные Национального корпуса русского языка. Важным представляется и тот факт, что многие исследуемые единицы вообще не имеют в русском языке лексикографической фиксации. Это увеличивает значимость *приложения* к работе, которое содержит полный словник китаизмов, выявленных Цзян Сюехуа в ходе исследования, с приведением семантики и этимологии каждого слова, в ряде случаев – с историко-культурными комментариями и производными от этих слов в русском языке.

Думается, велика важность такого приложения в чисто практическом плане: это почти готовый небольшой словарь китаизмов, который можно использовать в различных прикладных целях – и в практике преподавания, и, вероятно, в практике перевода.

Впрочем, ряд вопросов и замечаний разной степени серьезности работа Цзян Сюехуа у меня все же вызвала.

1. Говоря о предмете своего исследования, Цзян Сюехуа пообещала читателю проанализировать «роль китаизмов в языковом сознании носителей русского языка» (с. 7), и я даже проявила к этому особенный интерес и действительно ждала этого в процессе знакомства с работой. Ждала, например, какого-то эксперимента с носителями русского языка, в ходе которого удалось бы увидеть, насколько важны (или неважны) для нас заимствования из китайского языка. Но ожидания не оправдались, в тексте этого нет, и осталось неясным, что имела в виду Цзян Сюехуа, когда провозглашала такой предмет (и, что важно, – составной компонент цели!) своего исследования. Хотелось бы услышать какие-то пояснения автора на этот счет. Тем более что в состав словника китаизмов, составленного по результатам исследования, входят очень разные единицы. С одной стороны, здесь *чай, шёлк, жемчуг* и *женьшень*, присутствующие в ментальном лексиконе любого носителя русского языка, с другой – знакомые, но явно не входящие в наш активный лексический запас *гаолян, ли, маджонг* и *джонка*, а с третьей – вообще неведомые *даян, сёхаи* или *коутоу*. По-моему, этот материал просто напрашивается на систематизацию и оценку носителями русского языка, но в работе Цзян Сюехуа этого не сделано. И совсем уж непонятно, почему попала в список китайских заимствований *утка по-пекински...*

2. Еще для меня было несколько неожиданным, что имена собственные, которые составляют ровно 4/5 материала исследования (400 единиц из 500) – это тоже заимствования. Можно ли анализировать такой материал в одном ряду с действительными лексическими заимствованиями? Можно ли говорить в этом случае о «причинах и путях проникновения» единицы в язык-реципиент? Анализировать сдвиги значения? И т. д. Если действительно интересно, когда и как в русский язык попали китайские слова *чесуча, шёлк* или *фанза* (кстати, из этих 100 единиц словника мне как ... не совсем, я бы сказала, рядовому носителю русского языка, знакомы едва ли два десятка), то нелепо такой вопрос задавать в отношении слов *Пекин, Тибет* или *Мао Цзэдун*. Это уже история, а не лингвистика, и лингвиста здесь может заинтересовать разве что передача этих имен и названий средствами русской графики и фонетики, то есть их адаптация к русскому языку, чему Цзян Сюехуа вынуждена была посвятить почти всю третью главу. Это,

безусловно, интересно, но это отдельная исследовательская задача, далекая, на мой взгляд, от анализа лексических заимствований.

3. Говоря о способах адаптации китайского слова к русской языковой системе, Цзян Сюехуа разделяет, в частности, *орфоэпические* и *фонематические* варианты написания китаизмов в русском языке (с. 98-99). К первым (орфоэпическим) она относит все, что связано с «произношением отдельных звуков» (*лян – лан, тофу – тоуфу*), ко вторым (фонематическим) – то, что связано с «фонемным составом слова» (*ханжа – ханка*). Мне кажется, что, с точки зрения русского языка, в обоих случаях перед нами один и тот же тип: в обеих группах варианты различаются фонемным (или звуковым, что в данном случае неважно) составом. Просто твердое /л/ и мягкое /л'/ в *лян – лан*, а также /о/ и близкое к дифтонгу /оу/ в *тофу – тоуфу* автору показалось, по-видимому, менее сильным различием, чем /ʒ/ – /к/ в последней паре вариантов (*ханжа – ханка*). Более того, неясно, чем от этих двух типов отличается и третий тип вариантов, который выделен в работе, – орфографические: например, *Цзилосы – Тилосы*. На мой взгляд, во всех трех типах различие в произношении в равной степени отражается на письме и связано с буквенно-звуковым составом слова.

4. Есть у меня и ряд более мелких замечаний. Так, странно выглядит в списке использованных словарей (а не научной литературы!) «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В. Н. Ярцевой и соответствующая ссылка на безымянный ЛЭС после определения заимствования (с. 19). Это, конечно, словарь, но – *энциклопедический*, то есть это сборник научных словарных статей, где каждая такая статья имеет своего автора, вполне заслуживающего, чтобы его имя было упомянуто при цитировании его личного определения того или иного научного термина. Это – типичная студенческая ошибка, и жаль, что ей нашлось место в аспирантской работе.

5. Удивительно, что в списке литературы все множество китайских работ, о котором я уже говорила, – на русском языке. Мой вопрос к Цзян Сюехуа: неужели вопрос о китайских заимствованиях в русский язык совсем не рассматривается в работах, написанных китайцами по-китайски?

6. Категорически не хватило мне в работе Цзян Сюехуа и хоть каких-нибудь количественных данных. Есть буквально две цифры: 500 единиц исследования из 35 источников. Но наличие типологии просто предполагает количественную характеристику материала. А типология в работе есть: (1) собственно лексические заимствования, (2) семантические кальки, (3) словообразовательные кальки, (4) экзотизмы и (5) варваризмы. Хотелось бы знать, как количественно соотносятся между собой все эти группы. И где, кстати, в этой типологии имена собственные? Отдельной группы они не

составляют, значит, надо полагать, как-то распределяются по этим пяти. Вопрос – как именно? Есть, кроме того, деление рассматриваемых китаизмов на прямые и опосредованные заимствования, на зафиксированные и не зафиксированные в словарях – и опять повисает без ответа вопрос об их количественном соотношении. Наличие цифровых данных, безусловно, сделало бы выводы, полученные Цзян Сюехуа, гораздо более убедительными.

7. И самое последнее замечание – формальное. Работа, к сожалению, очень плохо отформатирована. Уже не хочется говорить про «оторванные» от фамилии и оставленные в конце строки инициалы – это просто болезнь наших квалификационных работ. Но те 190 страниц, которые я читала, после устранения лишних или необоснованно увеличенных пробелов между строками, сократились до 175. Думаю, что 15 лишних, созданных только особенностями форматирования, страниц в тексте – это все же многовато.

Но все такого рода вопросы и даже замечания, сколь бы серьезными они ни были, неизбежны при знакомстве с работой, наполненной большим массивом действительно новых данных. Ясно, что на собранном материале можно сделать еще массу интересных и важных исследований – Цзян Сюехуа создала для этого хорошую базу. Поэтому общей моей положительной оценки рассматриваемого диссертационного исследования все мои замечания не поколебали.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что диссертация Цзян Сюехуа на тему «Китаизмы в языке русского зарубежья на материале мемуарной прозы (первая половина XX в.)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Цзян Сюехуа заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Санкт-Петербургского
государственного университета

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

20.04.2020